

Российский империализм

Збигнев Марцин Ковалевский*

Сергей Никольский, российский философ и культуролог, утверждает, что, быть может, важная идея для населения России „со времени падения Византии до наших дней есть мысль об империи и о том, что они — имперский народ. Мы всегда знали, что живём в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была одной из самых ценных в нашем идейном багаже и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир”. Первой и важнейшей характеристикой российской империи, отмечает Никольский, неизменно была „максимизация территориального расширения ради экономических и политических интересов как один из важнейших принципов государственной политики.” (1)

Это расширение являлось результатом неизменного и значительного преобладания в России экстенсивного типа развития над интенсивным, то есть абсолютной эксплуатации непосредственных производителей, а не относительной, основанной на повышении производительности труда.

„Российскую империю называли «тюрьмой народов». Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых”, - писал Михаил Покровский, наиболее выдающийся историк-большевик. „Уже Московское Великое княжество, а не только Московское царство было «тюрьмой народов». Великороссия построена на костях «инородцев», и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется с этим гнетом, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет.” (2) Эти высказывания Покровского увидели свет в 1933 году, вскоре после его смерти и незадолго до того, как по инициативе Сталина в известном большевистском изречении «Россия – тюрьма народов» первое слово было заменено на «царизм». Впоследствии сталинский режим заклеил научные труды Покровского за их «антимарксистскую концепцию» истории России (3).

Военно-феодальный империализм

На протяжении столетий и вплоть до распада СССР в 1991 году завоеванные и покоренные Россией народы последовательно испытали на себе господство российского империализма в трех формах. Первой из них являлся «военно-феодальный империализм». Такое определение принадлежит В.И. Ленину, но вопрос о том, какой именно способ эксплуатации преобладал на данном этапе – феодальный или рентно-налоговый (или, как его называет Юрий Семенов, «политарный») - является дискуссионным (4). Эта дискуссия получила новый импульс в связи с новейшими исследованиями Александра Эткинда. Из них следует, что в то время преобладали колониальные способы эксплуатации: „и на отдаленных ее границах, и в темных ее глубинах Российская империя была великой колониальной системой”, „колониальной империей как Британия или Австрия, и одновременно колонизованной территорией, как Конго или Вест-Индия”. Дело в том, что, „расширяясь и охватывая огромные пространства, Россия колонизовала свой народ. Это был процесс внутренней колонизации, вторичной колонизации собственной территории.” Вот почему, поясняет Эткинд, „нужно понимать российский империализм не только как внешний, но и как внутренний процесс”. (5).

Крепостничество в России носило столь же колониальный характер, что и рабовладение в Соединенных Штатах Америки. Оно затрагивало не только крестьян-«великороссов», но и тех, кого царизм рассматривал как «русских», «малороссов» (украинцев) и белорусов. Эткинд обращает внимание на тот факт, что даже в Великороссии крестьянские восстания носили антиколониальный характер, а войны, которые империя вела против повстанцев, являлись колониальными. Парадоксальным образом центр Российской империи одновременно представлял собой внутреннюю колониальную периферию, где народные массы подвергались иногда более жестокой эксплуатации и угнетению, чем на завоеванных окраинах.

Когда возник „новейше-капиталистический империализм”, то в царской империи он, по словам Ленина, оказался „оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических”, столь плотной, что „вообще в России преобладает военный и феодальный империализм”. Таким образом, в России „монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего

финансового капитала” (6). Но, поскольку речь шла о наименее развитой из шести ведущих мировых держав, это мог быть лишь субимпериализм. Как писал Троцкий, „Россия оплачивала таким путем право состоять в союзе с передовыми странами, ввозить капиталы и платить по ним проценты, т. е. по существу свое право быть привилегированной колонией своих союзников; но в то же время и свое право давить и грабить Турцию, Персию, Галицию, вообще более слабых и отсталых, чем она сама. Двойственный империализм русской буржуазии имел в основе своей характер агентуры других более могущественных мировых сил.” (7)

Нет деколонизации без отделения

Именно наличие мощных внеэкономических монополий, отмеченных Лениным, обеспечило сохранение российского империализма после свержения в стране капитализма в октябре 1917 года. Вопреки прежним ленинским утверждениям о том, что для освобождения колоний требуется социалистическая революция, а при капитализме они могут обретать независимость лишь в виде исключения или ценой ряда восстаний, от России отделились лишь те колонии, которые не были затронуты русской революцией или отразили ее натиск. В ряде окраинных регионов она развивалась как «колониальная революция», в которой участвовали русские колонисты и солдаты, но не угнетенные народы, и даже сохранялись прежние колониальные отношения. Георгий Сафаров писал, что именно так происходила революция в Туркестане (8). В других регионах она носила характер вооруженного завоевания, и некоторые большевики, такие, как Михаил Тухачевский, вскоре придумали теорию „революции извне” (9).

История советской России доказала несостоятельность представления большевиков о том, что свержение капитализма ведет к уничтожению колониального господства одних народов над другими, а следовательно, все они не только могут, но и должны оставаться в едином государстве. Крайним проявлением этого являлся не признающий право народов на самоопределение «империалистический экономизм», распространенный, несмотря на критику со стороны Ленина, среди русских большевиков. В действительности верно обратное: образование угнетенным народом собственного государства служит предпосылкой ликвидации колониальных отношений, хотя само по себе и не гарантирует ее. Васыл Шахрай, большевик и участник революции в Украине, понял это уже в 1918 году и вел с Лениным

публичную полемику по данному вопросу (10). Подобную точку зрения разделяли и другие коммунисты нерусского происхождения, в частности, лидер татарских революционеров Мирсаид Султан-Галиев. Он стал первым коммунистом, исключенным по требованию Сталина из публичной политики уже в 1923 году.

В действительности империализм, основанный на упомянутых Лениным внеэкономических монополиях, спонтанно и латентно воспроизводится в разных формах, даже если утрачивает свои специфически капиталистические основы. Именно по этой причине, как писал Троцкий, уже в 20-е гг. Сталин „стал носителем великорусского бюрократического гнета” и вскоре „обеспечил перевес за великорусским бюрократическим империализмом” (11). С установлением сталинского режима произошла реставрация империалистического господства России над покоренными и колонизованными ей некогда народами, которые остались в составе СССР и составляли половину его населения. К ним добавились два новых протектората: Монголия и Тува.

Подъем бюрократического империализма

Эта реставрация сопровождалась полицейскими репрессиями и даже геноцидом – посредством голода, что получило название *Голодомора* на Украине и *Жасанды Ашаршылык* в Казахстане (1932-1933). Национальные большевистские кадры и интеллигенция подвергались уничтожению, происходила активная русификация. Целые небольшие народы и национальные меньшинства отправлялись в ссылку (первыми, в 1937 году, были депортированы корейцы, жившие на советском Дальнем Востоке). Внутренний колониализм ширился, и „наиболее страшным примером таких практик стала эксплуатация заключенных ГУЛАГа, которая может быть описана как экстремальная форма внутренней колонизации” (12). Как и при царизме, переселение русского и русскоязычного населения на окраины позволяло сглаживать противоречия и предотвращать социально-экономические кризисы в России, обеспечивая одновременно русификацию периферийных республик. Русское крестьянство, обнищавшее и голодающее в результате насильственной коллективизации, стало массовым поставщиком рабочей силы для новых промышленных центров периферии СССР. При этом власти ограничивали переселение в города сельских жителей нерусской национальности.

Колониальное разделение труда искажало и даже тормозило развитие. Иногда периферийные республики и регионы превращались исключительно в источники сырья и монокультурные зоны. Одновременно происходило колониальное разделение между гордом и деревней, между физическим и умственным, квалифицированным и неквалифицированным, высоко и низко оплачиваемым трудом, а также формировалась колониальная стратификация государственной бюрократии, рабочего класса, всего общества. Подобные разделения и стратификации обеспечивали этнически русским и русскоязычным элементам привилегированный доступ к доходам, квалификации, престижу и власти в периферийных республиках. Предпочтение этнической или лингвистической «русскости» в форме «публичной психологической платы» – понятие, заимствованное Дэвидом Редигером у У.Э.Б. Дюбуа и использованное им в исследованиях положения белого американского пролетариата (13) – стало важным средством обеспечения российского империалистического господства и распространения русского великодержавного сознания в среде советского рабочего класса.

Во время второй мировой войны участие сталинской бюрократии в борьбе за новый передел мира стало продолжением внутренней империалистической политики. В ходе войны и после ее окончания Советский Союз возвратил себе значительную часть того, что утратила Россия после революции, а кроме того, завоевал новые территории. Площадь СССР увеличилась более, чем на 1,2 миллиона км², достигнув 22,4 миллиона км². Это на 700 000 км² превысило площадь царской империи в конце ее существования и оказалось всего на 1,3 миллиона км² меньше, чем в период, когда площадь ее достигла максимума – в 1866 году, после завоевания Туркестана и до продажи Аляски.

В борьбе за новый передел мира

В Европе Советский Союз присоединил к себе западную Белоруссию и Украину, Закарпатье, Бессарабию, Литву, Латвию, Эстонию, часть Восточной Пруссии и Финляндии; в Азии Туву и Южные Курилы. Поставив под свой контроль Восточную Европу, он желал также установления опеки над Ливией и попытался сделать своим протекторатом обширные приграничные провинции Китая – Синцзян и Манчжурию. Мало того, он вознамерился аннексировать северный Иран и восточную Турцию, используя в своих целях стремления многочисленных местных народов к национальному освобождению и единству. По мнению азербайджанского историка

Джамиля Гасанлы, именно в Азии, а не в Европе, уже в 1945 году началась «холодная война» (14).

«Как только позволяет политическая ситуация, паразитический характер бюрократии находит проявление в империалистическом грабеже», - писал в то время Жан ван Эйженорт, бывший секретарь Троцкого, впоследствии историк математической логики. «Требуется ли появление элементов империализма пересмотра теории о том, что СССР являлся переродившимся рабочим государством? Совсем не обязательно. Советская бюрократия кормится главным образом присвоением чужого труда, что мы давно считали признаком перерождения рабочего государства. Бюрократический империализм – всего лишь особая форма подобного присвоения» (15).

Югославские коммунисты очень быстро пришли к убеждению, что Москва «стремится полностью подчинить себе экономику Югославии и превратить ее в простой сырьевой придаток экономики СССР, что затормозило бы темпы индустриализации и помешало социалистическому развитию страны» (16). Советско-югославские «смешанные акционерные общества» должны были сосредоточить в своих руках эксплуатацию природных богатств Югославии, в которых нуждалась советская промышленность. Неэквивалентный торговый обмен обеспечил бы советской экономике сверхприбыль в ущерб югославской.

После разрыва Югославии со Сталиным Иосип Броз Тито утверждал, что, начиная с пакта Молотова-Риббентропа в 1939 году, и особенно после Тегеранской конференции 1943 года СССР участвует в империалистическом переделе мира и «сознательно следует прежним царским путем империалистического экспансионизма». При этом югославский лидер отмечал, что провозглашенная Сталиным «теория о руководящем народе в многонациональном государстве на самом деле отражает национальное подчинение, угнетение и экономическое ограбление господствующим народом других народов и стран» (17). В 1958 году Мао Цзедун в беседе с Хрущевым иронизировал: «Был такой человек по имени Сталин, он взял Порт-Артур, превратил Синцзян и Манчжурию в полуколонии и создал четыре смешанные акционерные общества. Вот и все его благодеяния» (18).

Советский Союз перед распадом

Российский бюрократический империализм опирался на мощные внеэкономические монополии, еще более укрепившиеся при тоталитарном режиме. Но из-за своего исключительно внеэкономического характера они оказались слишком слабы и неспособны осуществить сталинские планы эксплуатации стран-сателлитов Восточной Европы и приграничных районов КНР. Столкнувшись с растущим сопротивлением в этих странах, кремлевская бюрократия вынуждена была отказаться от своих проектов «смешанных акционерных обществ», неэквивалентного торгового обмена и колониального разделения труда, которые хотела им навязать. После выхода в 1948 году из-под ее влияния Югославии, а затем Китая и некоторых других государств, она оказалась вынуждена ослабить свой контроль и над остальными.

Да и в самом СССР внеэкономические монополии не сумели обеспечить долговременное империалистическое господство России над другими союзными республиками. Индустриализация, урбанизация, повышение образовательного уровня, в общем, модернизация периферийных регионов СССР, а также увеличение доли рабочего класса, интеллигенции и даже бюрократии коренной национальности на местах начали постепенно изменять соотношение сил между Россией и периферийными республиками в пользу последних. Господство Москвы над ними ослабевало. Этот центробежный процесс ускорило нарастание кризиса системы. Контрмеры центральной власти – такие, как отстранение в 1972 году от руководства Украиной Петро Шелеста, которого Кремль счел «националистом», - уже не могли ни обратить процесс распада империи вспять, ни даже приостановить его.

Во второй половине 70-х годов молодой советский социолог Франц Шереги попытался проанализировать советскую действительность, опираясь на „сочетание классовой теории Маркса и теории колониальных систем”. И пришел к выводу, что „постепенное расширение национальной интеллигенции и бюрократии (служащих) национальных республик, рост численности рабочего класса — одним словом, становление более прогрессивной социальной структуры — приведет к стремлению национальных республик выйти из состава СССР”. Несколько лет спустя по просьбе высшего руководства КПСС он исследовал социальное положение комсомольских бригад, мобилизованных по всей стране на строительство Байкало-Амурской магистрали, одну из пресловутых «строек века».

„Я заинтересовался, - рассказывает Шереги, - противоречием между информацией об интернациональном составе строителей магистрали, усиленно распространявшейся официальной пропагандой, и выявленной мною высокой национальной однородностью

приезжавших отрядов строителей.” Они почти полностью состояли из людей этнически русских или русскоязычных. „Тогда я пришел к неожиданному для себя выводу о том, что русские (и «русскоязычные») вытесняются из национальных республик.” Это подтвердили исследования, проведенные им на двух других комсомольских стройках СССР. „Центральная власть об этом знала и содействовала переселению русских путем финансирования так называемых «ударных строек». Я сделал следующий вывод: социальные фонды национальных республик стали скудеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии (детские сады, дома отдыха, профилактории, возможность получить жилье), с трудом хватает только для представителей титульных национальностей; такая ситуация может привести к межнациональным противоречиям и центральная власть постепенно «выводит» из национальных республик русскую молодежь. Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом.” (19)

Военно-колониальная империя

Кризис советского бюрократического режима и российского империализма оказался столь глубок, что СССР распался в 1991 году, причем, ко всеобщему удивлению, совершенно мирно. Россия полностью лишилась своей внешней периферии, 14 нерусских республик Советского Союза покинули его и провозгласили свою независимость, воспользовавшись правом, предоставленным им советской Конституцией. Это привело к беспрецедентной в истории России потере территории общей площадью 5,3 миллиона км². Но, по как утверждает видный ученый Борис Родман, создатель русской школы теоретической географии, и сегодня „Россия — военно-колониальная империя, живущая за счет безудержного расточения невозобновляемых природных и человеческих ресурсов, страна экстенсивного развития, частным случаем которого является сверхрасточительное, затратное землеприродопользование.” В этой области, точно так же, как „в миграциях людей, во взаимоотношениях между этносами, между коренными жителями и приезжими в тех или иных регионах, между государственной властью и населением, — по-прежнему живы многие «хрестоматийные» черты колониализма.”

Россия остается многонациональным государством. В нее входит 21 национальная республика, что составляет около 30 % ее территории. Как отмечает Родман : „В нашей стране имеется один главный этнос, тождественный ей по названию и давший государственный язык, и множество других этносов, из коих некоторые имеют свои

национально-территориальные автономии, но без права выхода из псевдофедерации, т. е. удерживаются в ней фактически принудительно. Необходимость административных единиц, выделенных по этническому признаку, подвергается всё большему сомнению, процесс их ликвидации начался с автономных округов. И это при том, что почти все нерусские народы в России – не иммигранты, они не переселились в уже существовавшее русское государство, а наоборот, были им завоёваны, оттеснены, отчасти истреблены и ассимилированы, иногда лишены своей государственности. В таком историческом контексте национальные автономии, при любой степени их реальности или номинальности, должны рассматриваться как моральная компенсация этносам, испытавшим «травму покорения». В нашей стране малые народы, не имевшие или лишившиеся территориальной автономии, быстро исчезают (например, вепсы и шорцы). Коренные этносы, в начале советского периода составлявшие большинство в своих автономиях, ныне оказались в меньшинстве в результате недавней колонизации, связанной с освоением природных ресурсов, великими стройками, индустриализацией и милитаризацией. Распашка «целинных» земель, строительство некоторых портов и электростанций в прибалтийских республиках имели не только экономические причины, но и задачу русификации окраин Советского Союза. После его краха типичными войнами за сохранение колоний в составе распадающейся империи стали вооружённые конфликты на Кавказе, народы которого сделались заложниками имперской политики «разделяй и властвуй». Расширение сферы влияния в мире, в том числе включение в неё бывших частей СССР, ныне является приоритетом российской внешней политики. Царская Россия в XVIII – XIX в. принимала в своё подданство кочевые племена, после чего их земля автоматически становилась российской; постсоветская Россия раздаёт российские паспорта жителям сопредельных стран...»

(20)

Реставрация капиталистического империализма

Реставрация капитализма в России отчасти восполняет и отчасти заменяет ослабленные и урезанные после распада СССР внеэкономические монополии мощной монополией финансового капитала, сросшегося с государственным аппаратом. Возрожденный на этой основе российский империализм остается феноменом, чьи внешние и внутренние аспекты нерасторжимы, он действует по обе стороны российских границ, которые опять становятся подвижными. Российские власти

выстроили государственную мегакорпорацию, которая получит монополию на внутреннюю колонизацию Восточной Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах имеются богатые запасы нефти и других природных богатств. Новая корпорация должна получить привилегированный доступ на новые мировые рынки - в Китае и западном полушарии.

Обоим названным российским регионам грозит участь Западной Сибири. „Федеральный центр забирает почти все доходы от той же западносибирской нефти себе, а Сибири не дает денег даже на строительство нормальных дорог”, - писал несколько лет назад российский журналист Артем Ефимов. - „Беда, как всегда, не в колонизации, а в колониализме”, поскольку „целью этой корпорации является прежде всего именно экономическая эксплуатация, а не освоение и развитие территории”. „Это, по сути, признание факта, что в стране колониализм, на высшем государственном уровне. Сравнение этой корпорации с Британской Ост-Индской компанией и другими европейскими колониальными компаниями XVII-XIX веков очевидно до смешного.” (21)

Возникшее год назад массовое народное движение (Киевский Майдан), которое привело к падению режима Януковича, представляло собой попытку окончательного разрыва колониальных отношений, исторически связывавших Украину с Россией. Нынешний украинский кризис – аннексию Крыма, сепаратистский мятеж на Донбассе и российскую агрессию против Украины – невозможно понять, если не признать, что Россия по-прежнему является империалистической державой.

* Збигнев Марцин Ковалевский, заместитель главного редактора польского издания *Le Monde diplomatique*, автор ряда работ по истории украинского вопроса, изданных, в том числе, Академией наук Украины. Статья впервые опубликована в: *Le Monde diplomatique – Edycja polska*. 2014. n° 11 (105).

1. Никольский С.А. Русские как имперский народ // Политическая концептология. 2014. № 1. С. 42-43.

2. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Т. 1. М., 1933. С. 284.

3. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е годы), Брянск, 2005. С. 238, 315-335.
4. Cf.: *Haldon J.* The State and the Tributary Mode of Production, L.-N.-Y., 1993; *Семенов Ю.И.* Политарный („азиатский”) способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М., 2011.
5. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России, М., 2013. С. 40, 44, 382-384.
6. *Ленин В.И.* ПСС. М., 1969-1973: Т. XXVI. С. 318; Т. XXVII. С. 378; Т. XXX. С. 174.
7. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 45.
8. *Сафаров Г.* Колониальная революция. Опыт Туркестана. М., 1921.
9. *Тухачевский М.* Война классов. Статьи 1919-1920 г. М., 1921. С. 50-59.
10. *Мазлах С., Шахрай В.* До хвилі: Що діється на Україні і з Україною. Нью-Йорк, 1967.
11. *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. СПб, 2007. С. 189.
12. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России // Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 29.
13. Cf.: *Roediger D.R.* The Wages of Whiteness: Race and the Making of American Working Class. L.-N.-Y., 2007.
14. *Гасанлы Дж.* СССР-ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941-1946 гг.). М., 2006; Он же. СССР-Турция: От нейтралитета к холодной войне (1939-1953). М., 2008.
15. *Logan D.* [J. van Heijenoort] The Eruption of Bureaucratic Imperialism // The New International. 1946. Vol. XII. n° 3, pp. 74, 76.
16. *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Vol. I. Rijeka, 1981, p. 434.
17. *Broz Tito J.* Н критики сталинизма // Časopis za Kitiko Znanosti, Domišljijo in Novo Antropologijo. 1980. Vol. VIII. n° 39/40, pp. 157-164, 172-185.
18. *Zubok V.M.* The Mao-Khrushchev Conversations, 31 July-3 August 1958 and 2 October 1959 // Cold War International History Project Bulletin. 2001. n° 12-13, p. 254.
19. *Докторов Б.* Шереги Ф.Э.: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. n° 5 (65), pp. 10-11.

20. *Родоман Б.Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И. Заславской. М., 1996. С. 94; Он же. Страна перманентного колониализма // Здоровый смысл. 2008/2009. № 1 (50). С. 38.

21. *Ефимов А.* Ост-Российская компания // Lenta.ru. 23 апреля 2012.